

На Индию несметный взгляд

Роман
Романов

ОПЫТЫ СТРАНСТВИЙ

16+

Annotation

Эссе о путешествии по одному из северных штатов Индии. Вместе с автором читатель сможет погрузиться в необыкновенную атмосферу древних городов, открывая для себя удивительные, а порой и шокирующие детали культурных традиций повседневной жизни этой страны. Для дизайна обложки и в качестве иллюстраций автор использовал собственные фотографии, сделанные во время поездки по Индии.

- [1. Нью-Дели: Милости просим в наш бедлам!](#)
 - [2. Искренне ваш Кришна, или галопом по индийским храмам](#)
 - [3. Варанаси: персонажи священного города](#)
 - [4. Как на именины Инны мы примчались в Ришикеш](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
-

1. Нью-Дели: Милости просим в наш бедлам!

Мы с самого начала догадывались, что путешествие в Индию будет полно неожиданных происшествий: люди, побывавшие там, говорили, что, сколько ни готовься к поездке, сколько ни изучай советы бывалых путников, всех нюансов не учтешь. Интернет-форумы и путеводители нагоняли страху, рассказывая об опасностях индийской жизни: дескать, на юге можно заболеть малярией или обгореть до мяса в коварных лучах тамошнего солнца; в глухом мусульманском квартале тебя того и гляди ограбят или подвергнут насилию, а в придорожной харчевне проще простого подхватить дизентерию. Свидетели даже упоминали об одном незадачливом паломнике: желая духовно очиститься, он с головой погрузился в мутные воды Ганга, проглотил там кишечную палочку, тяжело заболел и, вернувшись на родину, умер. После таких страшилок казалось, что только умалишенный решится провести отпуск на этой древней земле.

К счастью, одна наша знакомая, прожившая в Индии три года, заявила, что незачем читать дурацкие бредни – нужно просто ехать и наслаждаться каждым мгновением. Она разработала маршрут передвижения по стране и предупредила, что в дорогу нужно брать лишь самое необходимое – например, пару сменного белья и бутылку коньяка. Багаж порекомендовала на ночь засунуть под кровать, а утром забыть о нем и уехать в аэропорт налегке. Однако категорически велела взять с собой фотоаппарат, сказав, что Индия с ее невероятными красками и формами – настоящее сокровище для охотников за экзотическими образами.

Мы посмеялись, покивали головами, но, как люди осмотрительные, подошли к сборам более основательно. Прежде всего, рассовали по рюкзакам дорожные аптечки с лекарствами на все случаи жизни. Активированного угля набрали столько, что, наверное, им запросто можно было растопить печь. Следуя советам знатоков, взяли с собой фонарик, чтобы безлунными ночами отыскивать путь к гостинице, и даже лупу – разглядывать детали изображений Кама-Сутры, высеченные на стенах старинного храма. Особо продуманные прихватили еще и подстилки, чтобы в случае чего можно было сделать привал прямо посреди пыли и грязи индийских дорог.

Что касается фотоаппарата, я благоразумно зарядил его перед дорогой и поместил на ночь у изголовья кровати. Приехав же утром в международный терминал, обнаружил, что под кроватью его и оставил – всё как учили, только с точностью до наоборот. Впрочем, попутчики

одолжили мне на время поездки цифровую «мыльницу», так что фото на память были обеспечены.

В аэропорту сделали и первый групповой снимок – вот они мы: Инна – хореограф, вдохновитель путешествия, ее сестра Ирина – лингвист-переводчик, Наташа – бухгалтер и по совместительству визажист, Алевтина – преподаватель математики, Вова – архитектор, основной фотограф в поездке, ну и я – что-то вроде летописца. У каждого в руке по стограммовой бутылочке коньяка: им мы отметили день рождения Иры, а заодно и начало пути.

В аэропорт Индиры Ганди прибыли ровно в полночь – после одиннадцати часов перелета. Пройдя несложные иммиграционные процедуры и в графе «адрес проживания» уклончиво написав слово *hotel* (что вызвало вялое недовольство полусонных чиновников, желавших знать название гостиницы), мы наконец-то вышли на свежий воздух.

Там сразу поняли, что попали в иное климатическое измерение. Россию-то покидали при ноле градусов, а прибыли в страну, где уже в начале апреля ночная температура не опускалась ниже двадцати пяти. Понятно, что в своих толстовках и межсезонных куртках мы ощущали себя гротескно и неуклюже – особенно на фоне местного населения, в большей степени раздетого, нежели одетого.

Встречать нас прибыл Амит Гоэль – друг нашей «индийской» знакомой и партнер по мелкому бизнесу, который она успела там «заварить». Этот молодой темнокожий парень был необычайно упитан: футболка едва налезала на его огромный живот, а джинсы на мощных бедрах, казалось, вот-вот лопнут.

Гоэля сопровождала Любаша – русская девочка с круглым веснушчатым лицом и длинными волосами. Он сказал, что Люба прожила в Индии полгода, хорошо изучила психологию индийцев, поэтому станет нашей провожатой и максимально облегчит общение с местным населением. Позже выяснилось, что на самом деле хитрюга Амит приставил Любу к нашей группе казначеем и она просто заведовала финансами, следя, чтобы мы не останавливались в роскошных гостиницах и не ели слишком много. Словом, держала нас в строгих рамках установленного бюджета.

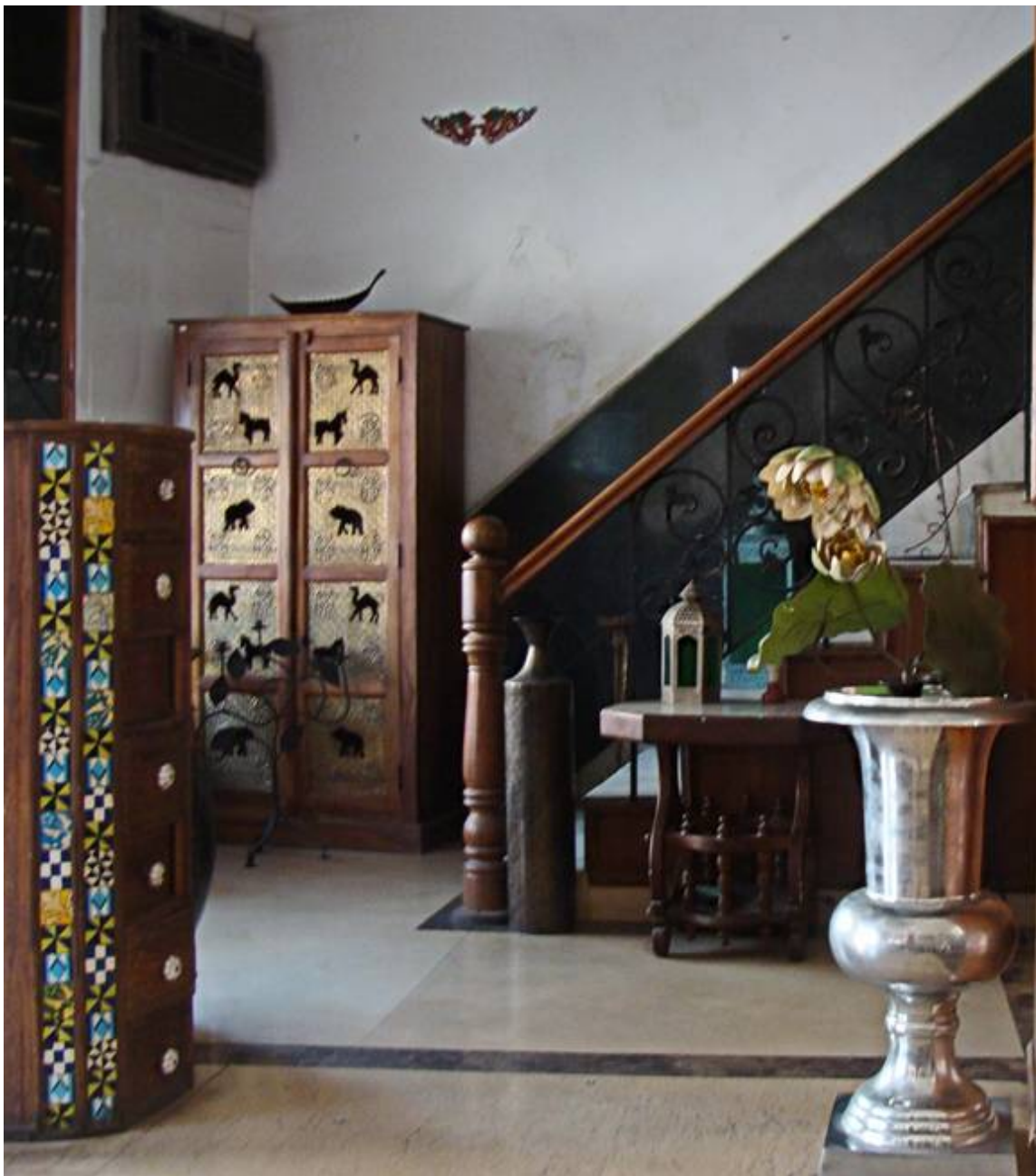
Пока мы ехали в столицу по скудно освещенному шоссе, Амит развлекал нас, исполняя жизнерадостные песни из индийских фильмов.

Он одновременно пел мужские и женские партии, и слушалось это исключительно забавно. Когда же Амиту надоело услаждать гостей вокалом, он поведал на беглом английском историю своей жизни.

Мы узнали, что Гоэль владеет сетью магазинов, торгующих специями и чаем, а также успешно ведет бизнес с Европой, куда поставляет свою продукцию. Сказал, что регулярно ездит в Польшу, рекламирует на телевидении приправы, поэтому его обожают миллионы домохозяек. Однако в глазах собственной семьи он выглядит не героем, а скорее белой вороной, отчего с родней у него сложились весьма натянутые отношения. Только отец поддерживает своего Амитку во всех начинаниях, сказал он. И добавил, что едва папенька даст дуба, тут же покинет страну – если не навсегда, то на очень долгое время.

Мы приехали на какую-то узкую, темную улицу, сплошь заваленную грудami мусора – это было хорошо заметно и без освещения. Амит остановил машину перед единственным зданием, из которого сочился свет.

Это была наша первая гостиница в Индии – HOTEL RELAX. Крошечное фойе с белым мраморным полом было украшено деревянными шкафчиками с инкрустацией и массивными напольными вазами из блестящего металла. Обилие мелких предметов интерьера – бронзовых статуэток, старинных светильников, пепельниц – создавало здесь удивительно уютную атмосферу.

Хозяин гостиницы приветствовал нас, улыбаясь во весь рот и чуть ли не приплясывая, до того был рад всех видеть. Он сердечно заявил, что друзья Амита – это и его друзья, и уверил, что сделает все, чтобы мы запомнили отель на всю жизнь. *Дорогие русские гости* поставили размашистые подписи на страницах огромной амбарной... в смысле, гостевой книги и потопали на третий этаж в свои номера. Нам пришлось преодолеть несколько пролетов высоченной лестницы, где на каждой ступеньке красовался экзотический глиняный горшок.

В комнате, доставшейся нам с Владимиром, мы впервые столкнулись с неприхотливым индийским бытом, о котором с иронией писали многочисленные путеводители. «У индийцев нет проблем, – говорилось в одном из них, – а иностранцы сами их себе придумывают. Если в гостиничном номере вы полчаса не можете найти выключатель, но потом видите, что он на потолке, то в чем же проблема? Раз выключатель в принципе существует, то рано или поздно вы его отыщете *сами* – не стоит тревожить по таким пустякам персонал».

Слава богу, в нашем номере выключатели находились не на потолке, а традиционно – на стене. В ряду их было штук десять, но работал лишь один, притаившийся ближе к центру. Больше озадачивал старинный кондиционер: он тархтел так, что невозможно было расслышать собеседника. Вова пытался отключить адскую машину всеми разумными способами, но под конец сдался и был вынужден потревожить персонал.

В номер прибежал парень. Узнав, что именно нас беспокоит, он пожал плечами, воскликнул “No problem!” и, открыв нерабочий холодильник, что-то щелкнул на тумблере, который хранился внутри. Комнату немедленно заполнила восхитительная тишина. На том же тумблере он ткнул пальцем еще в какую-то кнопку, и с мягким шуршанием начали вращаться лопасти вентилятора, висевшего над нашей с Владимиром двуспальной кроватью. Оказалось, что односпальных коек в индийских отелях нет по умолчанию, и с этим тоже пришлось смириться.

Вентилятор не дал нам задохнуться ночью в «келье», где не было ни единого окна, выходящего на улицу. Крошечное окошко, правда, находилось под потолком в ванной комнате, но об этом мы узнали только на следующее утро благодаря лучу света, что пробивался в комнату. Второе же окно, зарешеченное и скрытое тяжелым занавесом, выходило в просторное фойе...

Отельного паренька пришлось вызвать еще раз, когда поняли, что после душа нам нечем вытереться. Расторопный служащий принес пару банных полотенец, но они выглядели так, будто ими не единожды вытирали ноги. Я подозрительно спросил, не пользовались ли этими несвежими тряпочками предыдущие постояльцы, на что парень жизнерадостно заявил: «Все no problem, полотенца *почти совсем чистые*». Пришлось довольствоваться тем, что было – не мокрыми же

ложиться в постель (которая отличалась примерно той же степенью чистоты).

Надо сказать, нам с Вовой крупно повезло: сантехника начала прошлого столетия еще проявляла какие-то признаки жизни, имелись даже зачатки горячей воды – она лилась хилой струйкой на наши уставшие тела. Обитателям других номеров удача улыбнулась меньше: у них даже холодная вода была исключительно в смывном бачке унитаза. Зато у Наташи с Алей в комнате оказалось целых десять рулонов туалетной бумаги: они хранились – догадайтесь, где? – ну разумеется, в отключенном холодильнике!

Из сладкого утреннего сна меня вывел звучный голос какого-то дервиша – он совершал религиозный обряд, монотонно напевая бесконечную мелодию. Я сунул ноги в шлепанцы, вышел из густого мрака нашей беззаконной комнаты и оказался в залитом солнцем холле.

Как и фойе, он поражал богатым убранством: здесь стояли великолепные позолоченные кресла, скамьи с резными спинками, столики с черепашьими тушами вместо ножек, деревянные фигуры зверей и птиц, а на стенах висели зеркала в затейливых рамах. Позже я узнал, что на первом этаже находится художественная лавка и всю эту экзотику можно купить с доставкой на дом в любую часть света.

Вволю налюбовавшись красотой интерьера, я вышел на балкон. Там за массивным чугунным столом сидела Инна, медитативным взором устремившись куда-то вниз. Она сказала, что вот уже полчаса наблюдает за дворником.

Я выглянул с балкона. Одетый в белоснежное одеяние человек с метлой с маниакальным усердием подметал пяточок асфальта перед гостиницей, хотя практическая польза от его работы стремилась к нулю: одна за другой открывались лавки, расположенные вдоль длинного белого здания напротив отеля, и чистое место тут же покрывалось новым мусором. Судя по всему, он был неотъемлемой частью этой торговой улицы.

Мусор появлялся благодаря продавцам съестного, что раскладывали свой товар прямо на асфальте, покрытом выцветшими покрывалами. Рядом с одним торговцем словно из ниоткуда выросли

огромные гроздья бананов, другого окружили бидоны с броской надписью BEST MILK, третий сел в позу лотоса у телеги, наполненной роскошным виноградом. Широкобедрая индианка в сари с пронзительными красными всполохами сняла с головы большую плетеную корзину, в которой пирамидой были выложены ярко-оранжевые мандарины, и опустила ее на коробку из-под телевизора.

Продавцы время от времени перекликались друг с другом. В этот утренний час все звуки были слегка приглушены, будто смягченные воздушной дымкой, и оттого еще отчетливее «вырисовывалась» монотонная песнь невидимого дервиша. Подобно тому, как его таинственный голос разбудил меня, он словно пробуждал к жизни эту удивительную улицу с ее домами, людьми, редким транспортом и живописными ворохами мусора.

Ровно в девять утра вся группа, включая заспанную Любу в непальских шароварах, собралась на балконе, чтобы за чаем обсудить с Амитом маршрут дальнейшего путешествия.

Подвижный отельный мальчик принес на подносе начищенный медный чайник, белоснежные фарфоровые чашки и сахарницу. Черный чай отличался необычайно насыщенным и тонким вкусом – казалось, что он настоян на каких-то травах. Я с любопытством заглянул внутрь чайника и испытал легкое потрясение: там были только одноразовые пакетики с надписью *Brook Bond* – правда, дополненной словом *Taj Mahal*, но какая разница? По прошлому опыту я знал, что напиток с таким названием делают из переработанных отходов чайной продукции и пить его можно лишь в случае крайней нужды. Это был первый культурный шок, пережитый мною в индийском государстве – я прошел испытание Настоящим Чаем.

Амит явился с пятнадцатиминутным опозданием. Тугое брюшко нашего приятеля было обтянуто белой футболкой с надписью POLAND и изображением его собственной сияющей физиономии. На пухлых бедрах этого индийского Карлсона джинсовая ткань трещала по швам, а карманы штанов подозрительно оттопыривались по всем сторонам света. «У Амитки в карманах спрятано его главное мужское достоинство!», – не без ехидства прокомментировали девочки.

Чуть позже толстыми, но проворными пальцами Амит примется извлекать из тех карманов кипы валюты и шустро обменивать наши доллары и евро на многие тысячи рупий, то и дело норовя обсчитать дорогих гостей: он якобы случайно ошибался в расчетах, всё из-за разницы в вечно колеблющемся курсе. Ох уж этот Амит – за ним был нужен глаз да глаз! Благо среди нас находился математик: бдительная Аля могла без калькулятора учуять момент, когда этот бизнесмен собирался в очередной раз надурить доверчивых туристов.

Амитка разыграл на балконе целый спектакль. Надо было видеть, как он театрально возводил глаза к синему небу, чтобы «высчитать» путевые расходы, и прямо с неба брал сумму, в пять раз превышавшую все мыслимые траты. В ответ на наш отчаянный возглас «Это невозможно!» он с великим артистизмом погружался взором внутрь себя, и на свет появлялась новая сумма – вдвое меньше, но все равно совершенно безумная.

Наконец, Амит предложил совсем экономный вариант путешествия. Он включал трехразовое питание, поездку на *специально модифицированном автомобиле*, способном вместить всю группу вместе с Любой, посещение некоторых экскурсионных мест и проживание в самых скромных гостиницах, где из всех удобств была лишь горячая вода.

На этом варианте мы и решили остановиться, прикинув, что, наверное, Амит заработает на каждом из нас не больше двухсот долларов – сущие копейки, но для Индии – огромные деньги, на которые можно жить месяцами. Довольные результатом, стороны пожали друг другу руки (а кое-кто наверняка с тихой радостью потер свои пухлые ладошки), и Амит повел русских друзей завтракать.

Идти пришлось недолго: рядом с отелем располагался ресторан *Tadka* – Амит небрежно заметил, что он принадлежит его дяде. Хозяин заведения уже всю работу, стоя за кассой и отдавая приказы молоденьким официантам – выяснилось, что это двоюродные братья Амита. Там же крутилась хорошенькая девочка – его племянница. Амит с важным видом представил нас членам семьи и усадил за большой стол посреди комнаты. Его юная племянка немедленно начала заигрывать с компанией белокожих гостей, строя глазки и улыбаясь из-за своего столика, над которым висел портрет горделивого индуса с седыми усами и красным пятном во лбу. Амит сказал, что на картине изображен его двоюродный дед – он открыл ресторан сто лет назад, и с тех пор семейный бизнес передается из поколения в поколение.

А проживала родня Гоэля в доме напротив – таком же обшарпанном и на вид полуразрушенном, как почти все постройки в Индии. Мы находились в самом центре столицы, но было ощущение, что попали в трущобы. Облезлые здания, чьи фасады давно забыли, что такое побелка, тесно жались друг к другу, и казалось, вот-вот рухнут от древности и немощи.

Впрочем, впечатление, будто здешние постройки наполовину разрушены, было обманчивым: наоборот, возразил Амит, дома находились в процессе непрерывного строительства. Если их владельцы имели достаточно средств, они надстраивали целые этажи. Когда деньги иссякали, строительные работы прекращались до очередного финансового вливания – все логично, все *no problem*. Что же касается внешнего вида зданий, то кого он вообще здесь волнует? – беспечно отзывался Амит, недоумевая, *что* именно нас так удивляет.

После легкого завтрака – горячие лепешки *роти* и *чапати*, к ним несколько соусов и сиропов, а также густой черный чай, который индийцы ужасно долго варят – мы покинули ресторан, чтобы пойти с Амитом в его знаменитую лавку специй.

К этому времени утро уже давно перешло в разряд позднего. Улица *Неру Базар*, такая тихая и умиротворенная всего час назад, внезапно обрушилась на нас вводящим в ступор шумом и гамом, изобилием красок, разномастьем одежд и товаров. Все, что только могло двигаться, пребывало здесь в хаотичном броуновском движении. Люди, машины, вальяжные коровы, тук-туки¹ – все были одновременно устремлены в разные стороны, шли, бежали и ехали каждый в своем темпоритме, путаясь друг у друга под ногами, лапами и колесами. Но – удивительное дело – никто не толкался, не натыкался на соседа, не материл ближнего своего, не посылал ему вслед воздетый в небо средний палец. Агрессия здесь напрочь отсутствовала, и атмосфера, несмотря на суету и толкотню, была необыкновенно дружелюбная и расслабленная.

Чем дальше мы продвигались к *Мейн Базару* – «сердцу Дели», тем оживленнее и грязнее становилась улица. Я пялился по сторонам и едва успевал увертываться от лихих велосипедистов да отскакивать в сторону, чтобы не уткнуться носом в телегу с сеном, которая словно из ниоткуда возникала прямо перед моим лицом. Скоро посреди этого орущего, гудящего и мычащего светопреставления я стал чувствовать себя как рыба в воде: уже не кривился от отвращения при виде дымящейся коровьей лепешки под ногами и не подскакивал от испуга, если за спиной вдруг раздавался пронзительный звук автомобильного клаксона.

По дороге к своему магазину Амит непрерывно с важностью кивал головой друзьям и знакомым, имя коим было – легион. Дружить с Гоэлем было выгодно: он слыл крутейшим парнем на районе, местной достопримечательностью и знаменитостью – именно у лавки Амита чаще всего толпились светлолицые чужеземцы и закупали крупными партиями его ароматный товар. Общаться с Амитом само по себе означало быть избранным – ты словно прикасался к высшей касте: Амитка как бы между прочим упомянул, что принадлежит к касте брахманов, выше которых, по индийским понятиям, стоит только Бог...

Амит настоял на том, чтобы по всем вопросам приобретения товаров и услуг мы обращались только к нему. Дескать, все лучшие торговцы и мастера в городе – его давние друзья, они не обманут иностранцев и не разведут их на безумные бабки. О том же, какой процент *друзья* отстегивают Амиту за поставку тех самых иностранцев, он предпочел умолчать.

В миниатюрной лавке Амита Гоэля чего только не было: на полках стояли лучшие зеленые и черные чаи – в обычных упаковках и в ярко разукрашенных подарочных коробках; в изысканных флаконах красовались натуральные масла для ароматерапии и массажа; витрина у входа ломилась от контейнеров с всевозможными специями – от них исходило головокружительное благоухание.

Вдоволь восхитившись экзотическими товарами, девочки оставили нас с Вовой присматривать за лавкой, а сами в сопровождении Амита отправились покупать ткань: они решили сшить аутентичные наряды, в которых было бы удобно путешествовать на авто. В соседнем магазине выбрали себе легчайшие разноцветные ткани для будущих *пенджабов* –

женских костюмов, состоящих из шаровар, длинных блуз-кафтанов и широких шарфов для головы. Все ткани были немнущиеся и моментально высыхали после стирки – идеальное качество в походных условиях.

Потом они посетили салон местного модельера – тот сидел на возвышении у входа в ателье, которое находилось прямо напротив Амиткиной лавки. Ни разу не приподнявшись и практически не глядя на клиенток, он снял с них мерки и велел забирать вечером готовое платье. Забегая вперед, скажу, что костюмчики получились просто сногшибательные – два голубых, бордовый, коричневый, с оригинальными узорами. Только почему-то все практически на один размер, будто портной пользовался мерками, снятыми с одного человека.

Амитка предложил и нам с Владимиром сшить национальный «прикид» – безразмерные шаровары на кулисках да длинную белую рубаху, – но мы вежливо отказались. Сильно уж напоминал этот костюм одежду нищих, что сидели прямо на земле и отрешенно глядели вдаль, не торопясь просить у людей милостыню.

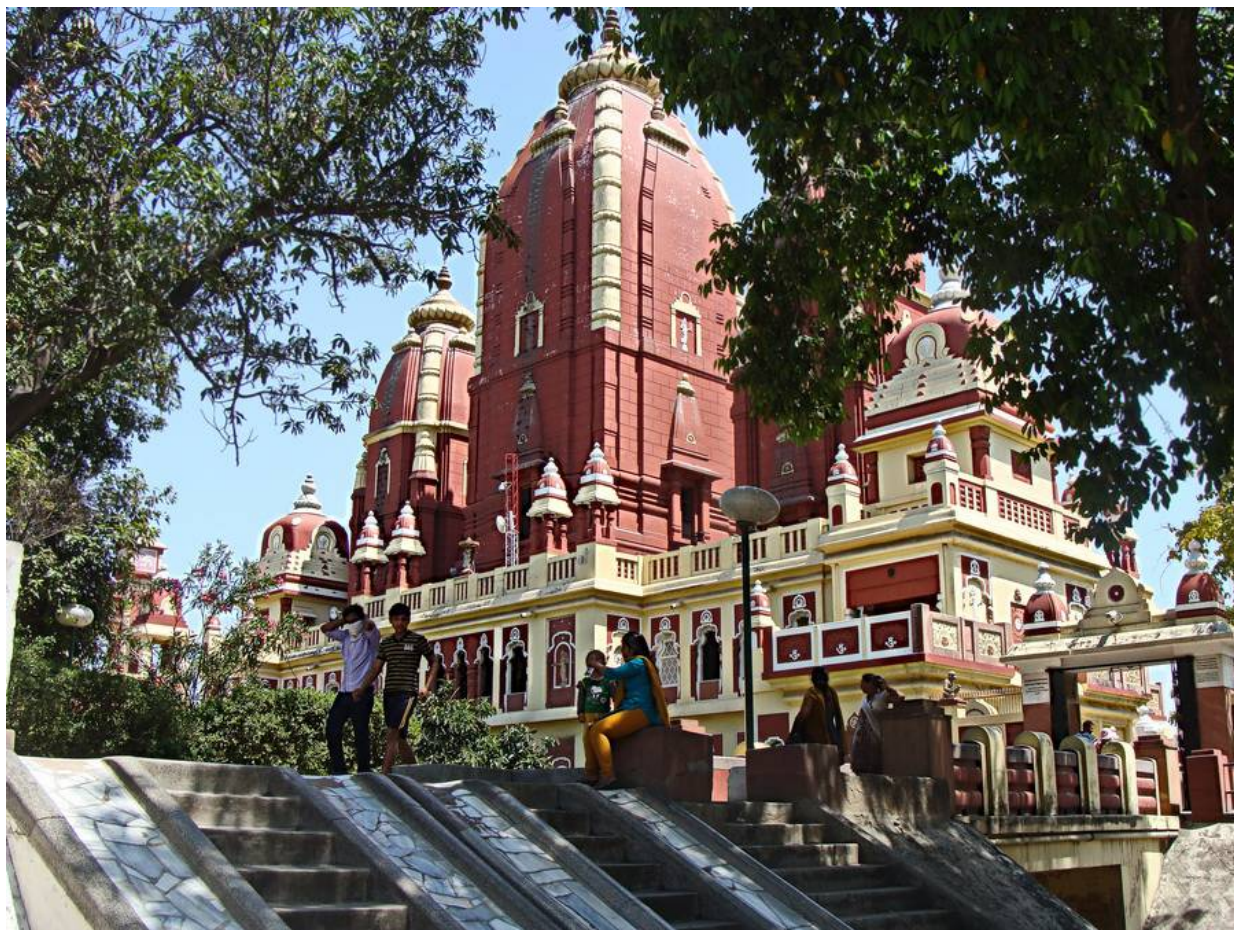
Из одежды я купил себе только футболку с удивительной надписью на английском языке: «No riksha, no change money, no hashish, no boat, no silk, no one rupee – no problem!»² Мне кажется, в этих словах заключена вся философия индийской жизни...

Амиту нужно было возвращаться в лавку, поэтому он переложил заботу о группе на Любины плечи, и та повезла нас знакомиться со столичными храмами. Сама Люба была яркой кришнаиткой, заботилась об отработке кармы, для чего и поселилась на священной земле: здесь тратила уйму времени на посещение храмовых служб, участие в очистительных ритуалах и церковных праздниках. Она полагала, что все приезжают в Индию с теми же *кармическими* задачами, и считала своим долгом с головой окунуть гостей в религиозную жизнь.

Наша компания подобных глобальных целей перед собой не ставила: не такие уж мы верующие, чтобы свой краткий отпуск целиком посвящать чужим богам. В храм же заглянуть – дело, как говорится, святое: храмовый комплекс – это ведь культурный артефакт, а мы и приехали знакомиться с культурой страны.

Первым делом отправились в храм *Birla Temple*, посвященный богине любви и процветания Лакшми. Строение из розового кирпича с обналичкой кремового цвета стояло на возвышенности и было окружено рвом. Ажурные башенки, балконы и лепные фигуры делали храм причудливым и веселым.

Рядом с прекрасной каменной лестницей, ведущей в храм, после дождя осталась большая лужа. Сейчас там с комфортом расположилось целое свинское семейство – хавронья с полудюжиной поросят: они

встретили нас дружелюбным хрюканьем. Приветствие было очень теплым, но сам факт, что свиньи живут у входа в священное место, показался немного кошунственным. Скоро я, конечно, привыкну к тому, что корова спокойно заходит в храм вместе с людьми, а обезьяна уплетает банан, сидя на голове каменного изваяния бога Шивы, но в тот момент испытал что-то вроде шока.

В служебном помещении охранник велел нам разуться и оставить в ячейке все вещи, включая фотоаппараты и мобильники. Когда охранник принял у меня сумку, я попытался всучить ему десять рупий за работу, но он лишь покачал головой и ткнул пальцем в почти сюрреалистическую надпись, висевшую позади него: *«Пожалуйста, заботьтесь о душевной чистоте служителей церкви – не давайте им чаевые»*.

У дверей главного помещения над головами посетителей висел колокол. По традиции, всяк сюда входящий должен был ударить в него, чтобы возвестить о себе миру или – кто знает – самому богу. Но чтобы достать до бронзового язычка, нужно было подпрыгнуть: колокол находился довольно высоко.

Мы все без труда выполнили несложный ритуал, задержалась на входе лишь переводчица Ирина. Интеллект-то у нее был высокий, а вот ростом и прыгучестью не задалась, поэтому никак не могла задеть пресловутый язычок хотя бы кончиком пальца. Ира долго пританцовывала вокруг колокола и принаравлиwała свой интеллигентный кулачок к его разверстому зеву – колокол же, простите за каламбур, издевательски показывал ей язык. Наконец Ирина собрала в кулак всю волю, взметнулась вверх и так шарахнула по бронзе, что находившиеся в храме птицы от оглушительного звона испуганно взвились под самый купол.

«Птицы? – недоверчиво переспросите вы, намереваясь подловить меня на вранье. – Чего это у вас, уважаемый автор, птицы по храму летают?» А я вам отвечу: отчего же им там не летать, если в огромном помещении с высоченными потолками нет ни единого застекленного окна или крытой галереи. Здание продувается всеми ветрами, поэтому даже в сильнейшую жару там стоит вечная прохлада и воздух дивно свеж – птицам в храме привольно и уютно, разве что дикие посетители иногда пугают...

Интерьер основного помещения явно не был чрезмерным: несколько столов с раскрашенными статуями индийских богов – вот и все убранство. Больше поразила воображение одна небольшая комната – *Glass Room*. Вдоль стен под разными углами были установлены сотни зеркал, а в центре в небесно-голубом одеянии стоял Кришна с флейтой в руках. Отраженный бесчисленное количество раз в зеркальных коридорах, образ его тысячекратно множился и, постепенно

уменьшаясь и растворяясь в пространстве, уходил в бесконечность. От безмолвной тайны, наполнявшей комнату пастушка Кришны, по коже пробежал холодок – вот здесь явно ощущалось присутствие божества...

В тот день мы посетили еще один храм – *Bahai Faith Temple* – Храм Лотоса. На огромной пустой территории издалека было видно белокаменное сооружение в форме священного цветка – оно великолепно смотрелось в окружении пальм. К нему стекались толпы людей в сказочных одеяниях с неповторимыми узорами. Уму непостижимо, как индийцам удавалось на протяжении многих столетий окрашивать ткани в такие яркие тона: искусственные красители появились ведь всего полвека назад, а свои умопомрачительные сари женщины Индии носят уже несколько тысяч лет.

Подойдя почти вплотную к храму-цветку, мы увидели, что он «растет» посреди большого искусственного пруда – красота необыкновенная! У входа в Лотос два гида в чалмах предупредили, что в помещении нужно сесть на скамейку и строго соблюдать тишину. Внутрь запустили сразу человек сто; мы минут пять посидели на лавочках, молча полюбовались полостью исполинского божественного цветка, а потом служитель храма дирижерским взмахом руки велел всем покинуть храм. Позже Люба пояснила, что паломники приходят сюда насладиться тишиной, приобщиться к вселенскому покою. Каюсь, но я блаженства не испытал: видать, трудно достичь просветления за пару минут, да еще когда тебя окружает сотня туристов...

Мы вернулись на Мейн Базар, когда уже почти стемнело. К вечеру суеты на торговой улице не уменьшилось, а к привычному шуму, визгу и лязгу прибавилось еще нестерпимое сияние ювелирных изделий, драгоценных камней и переливы шелков в ярком электрическом свете лавок и магазинов – Индия в буквальном смысле ослепляла роскошью.

По пути женская половина группы забрала у модельера готовые дорожные костюмы, и мы пошли в лавку к Амиту. Там девушки намеревались покрыть себе руки узорами из хны – обычное украшение индийских модниц.

В лавке уже ожидали четыре красавца-мастера – они на глазах многочисленных прохожих устроили реалити-шоу с «боевым раскрасом»: из треугольных шприцев, свернутых из фольги, выдавливали на кожу тонкие струйки хны и с ее помощью создавали затейливые коричневые узоры. Рисунки, покрывшие девицам руки от локтей до кончиков пальцев, следовало закрепить спустя какое-то время

соком лайма – мастера пообещали, что тогда узоры будут держаться не меньше двух недель.

Забегая вперед, скажу, что жертвам этого боди-арта результат не вполне пришелся по душе. Почти десять дней девочки страстно желали, чтобы рисунки побыстрее смылись, так как им все время чудилось, будто у них грязные запястья – просто ужас какой-то. Но в тот вечер они были безумно счастливы, что стали немного похожи на индианок, и были готовы выезжать во всеоружии навстречу приключениям.

2. Искренне ваш Кришна, или галопом по индийским храмам

На следующий день рано утром мы выехали в Агру – город, где находится знаменитый мавзолей *Тадж-Махал*, одно из семи чудес света. Худощавый усатый водитель по имени Маниш гостеприимно распахнул перед нами дверцы «специально модифицированного автомобиля», вмещавшего семь пассажиров – так мы сильно сэкономили на транспорте.

Маниш уложил наши рюкзаки на крышу машины, намертво привязал их веревками к багажной решетке, и мы помчались (если можно так назвать поездку со скоростью 80 км/ч) по просторам штата Уттар-Прадеш.

Сидеть сзади было, мягко говоря, тесновато, а особенно забавно, наверное, чувствовала себя Инна: во-первых, мы с Ириной сдавливали ее с двух боков, а во-вторых, бедняжке приходилось часами держать колени в неестественно высоком положении.

Пока мы не выехали за пределы города и подолгу стояли на светофорах, к машине то и дело подходили грязноватого, но отнюдь не болезненного вида детишки. Через открытое окно они предлагали всякую хрень – шариковые ручки, переводные картинки, комиксы – по расхожей цене в несколько рупий. В таких случаях лучше всего было поднимать стекло и молча игнорировать юных бизнесменов, хотя они не прекращая канючили с монотонной вежливостью: “Madam, sir, ten rupees only, ple-e-e-ase”. Наша Наталья, мать двоих детей, не выдерживала их жалобного взгляда и, чуть не рыдая от умиления, протягивала им копеечку, а те, удовлетворенные, деловито шагали к очередной жертве своей предпринимательской хватки.

Потом мы оставили столицу позади и несколько часов ехали по какой-то угрюмой местности со скудной выгоревшей растительностью. Изредка мелькали нищие села с приземистыми домами без окон и дверей – в голове не укладывалось, что в таких сараях вообще могли жить люди. Небольшие поля и огороды были пусты, на них никто не работал, нигде не было видно ни души. Если бы не лениво пасущийся

домашний скот, можно было подумать, что это просто давно заброшенные места.

Вдруг в десяти минутах езды от этого удручавшего нищетой места буквально из ниоткуда возник роскошный храм – белоснежный и воздушно-легкий, как торт безе. Он был обнесен ажурной стеной с запертыми резными воротами. Улыбчивый полицейский по ту сторону ограды сообщил, что служба начнется лишь в четыре часа дня.

Время едва перевалило за полдень, но некоторые индийцы уже сидели и лежали на подстилках близ храма. Они пришли сюда за несколько часов до начала церемонии, как на концерт приезжей рок-звезды. Одна женщина в темно-зеленом сари уютно спала на пляжном жароотталкивающем коврике, а рядом играл ее сынишка. «Интересно, они что, вообще никогда не работают, – подивился Вова, – раз запросто могут прождать полдня, чтобы попасть в храм?» В ту минуту ему никто не мог дать вразумительного ответа, но вскоре у нас сложилось некоторое представление об индийском образе жизни...

В запасе еще оставалась куча времени, поэтому мы решили заехать в близлежащий городок Вриндаван. Когда выбрались из машины у врат этого древнего города, водитель велел плотно закрыть сумки, покрепче держать в руках фотоаппараты и вообще быть крайне бдительными. Маниш объяснил, что здешние хамоватые обезьяны могли неожиданно

сигануть сверху и сорвать с головы человека шляпу, вырвать из пальцев кошелек или своровать вещицу из рюкзака за плечами.

Мы прониклись серьезностью ситуации и вошли в город, бросая подозрительные взгляды на каждую мартышку – мало ли, может, именно у нее разработан план разбойного нападения. Приматы, однако, не проявляли к нам никакого интереса. Одни лениво бродили по крышам зданий, другие качались на ветвях деревьев, третьи удрученно почесывали себе голову, сидя на земле.

Вскоре мы расслабились и начали озираться по сторонам. Заметив наши любопытные взгляды, к нам подрулил странного вида мужичок на велосипеде. Будто почуяв, что за международные переговоры в группе отвечает Ирина, он обратился к ней:

– Do you need room? (Вам нужно жилье?)

– No, – ответила она кратко. Мужичок объехал сзади и, пристроившись к Ире с другой стороны, невозмутимо переспросил:

– Do you need room?

Ирина снова сдержанно отклонила предложение. Тогда велосипедист объехал русских туристов спереди и с надеждой спросил Иру прямо в лицо:

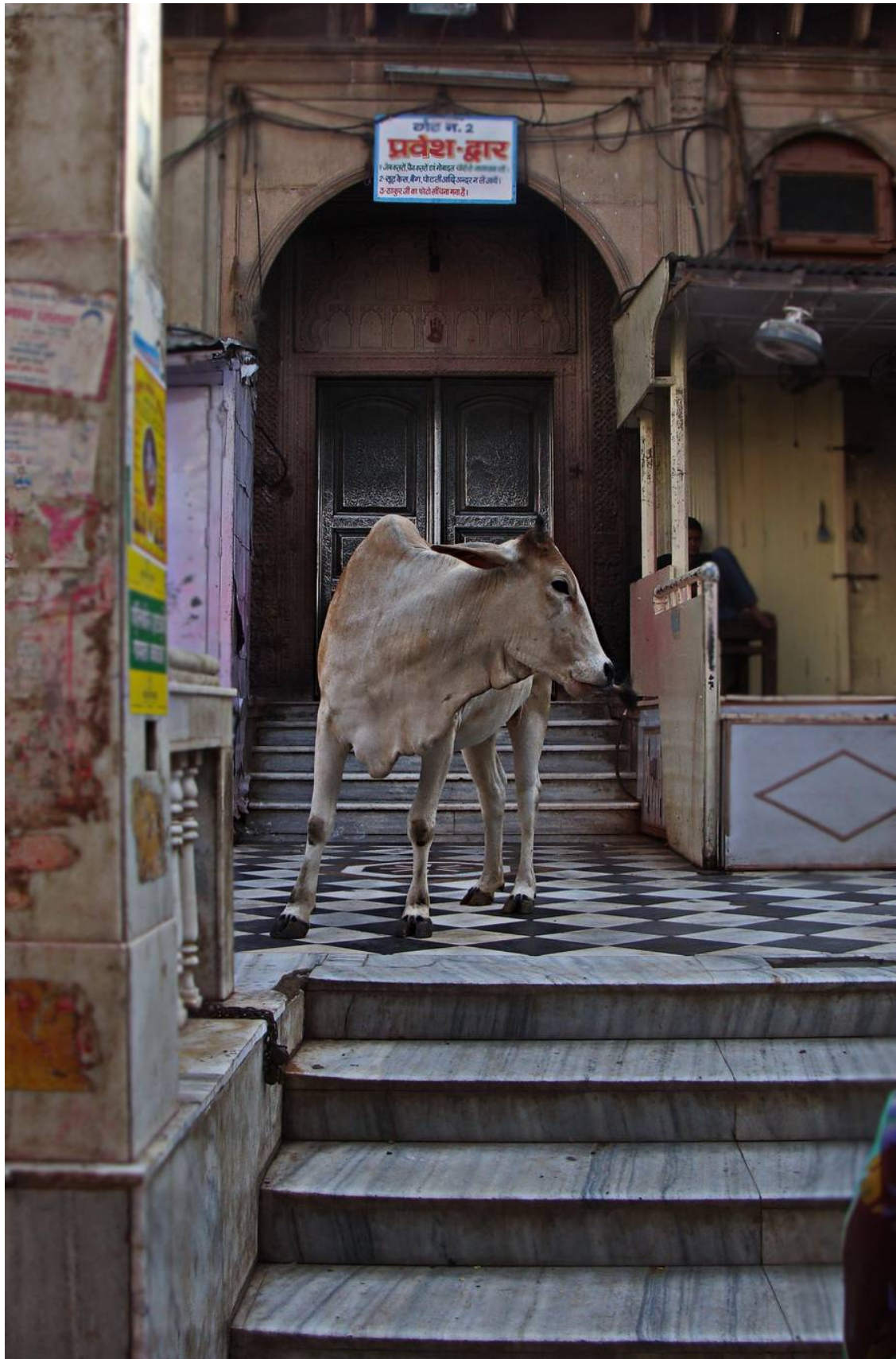
– Maybe, you need room? (Может быть, вам нужно жилье?)

– No, – рявкнула Ира – ее достали дипломатические переговоры. Тот поправил очки и, воздев палец в небо, назидательно изрек:

– Be polite, please. (Будьте вежливы, пожалуйста.)

И молча укатил, удовлетворенный ошеломляющим впечатлением, которое он произвел на группу иностранцев. Театр абсурда, да и только...

Мы бродили по улицам города с его вполне пристойными колониальными зданиями – они шли вперемешку с неказистыми полуразрушенными домишками. По пути нам встречались ухоженные и не очень коровы, они копошились в кучах отходов или задумчиво поедали рассыпанные на тротуаре лепестки роз. Посреди залежей пыльного товара скучали живописно одетые торговцы.

Любаша поведала, что Вриндаван – особое место для кришнаитов, так как именно здесь Кришна в последний раз воплотился в человеческом теле. Согласно верованиям индуистов, пять тысяч лет назад на месте города находился лес, где Кришна устраивал божественные игры со своими женами. Наверное, поэтому большая часть торговых лавок предлагала вещи, связанные с именем бога: книги с его жизнеописанием, картины и значки с рисунками на ту же тему, а также амулеты и предметы для церковных ритуалов.

Люба сказала, что скоро в главном храме города – *Baki Bihari Temple* – начнется служение и люди на улицах готовятся к этому событию. Маленькие девочки лепили восковые свечки для ритуальных наборов, а парни постарше собирали красивые венки из роз. Целиком такой набор, уложенный на большом пальмовом листе, можно было приобрести у «мастеров» за пятьдесят рупий.

Спустя некоторое время почти пустые улочки города начали заполняться людьми – они двигались единым потоком по направлению к церкви. Недолго думая, мы влились в этот поток, решив, что не можем пропустить службу в таком историческом месте. Инна с Ирой даже купили по наборчику со свечой, розовым венком и фарфоровой коровой, чтобы принести его в дар божеству.

Небольшая площадь перед храмом уже была плотно набита посетителями. Нарядные индийцы прибывали целыми кланами – от грудных младенцев до стариков – и еще больше уплотняли пространство. Вскоре свободного места на площадке не осталось вовсе, и хвост последних прихожан затерялся где-то среди зданий соседнего переулка.

Ожидая, пока откроют ворота храма, прихожане общались и хохотали, слушая речи местного юродивого – беззубого парня со всклокоченными сединами и белым шарфом поверх рубища. Он стоял

на бордюре, возвышаясь над толпой, и вовсю «петросянил» на потеху публике. А по крышам домов вальяжно расхаживали обезьяны, с любопытством поглядывая на верующих.

Вдруг толпа ухнула, медленно развернулась в сторону отворившейся двери и начала потихоньку, по-черепашьи продвигаться к входу. Людская масса была настолько плотной, что не было никакой возможности сделать полноценный шаг. Крепко сжатый толпой разгоряченных тел, я едва мог переставлять ноги. Чтобы войти внутрь, нужно было преодолеть несколько крутых ступеней, и я испугался за крошечную старушку, отчаянно пытавшуюся взобраться на одну из них. Казалось, что напиравшие сзади люди сейчас собьют ее с ног и растопчут, даже не заметив. Однако страшного не произошло, старушку

даже ненароком никто не толкнул, и она благополучно просочилась в храм.

Внутри помещение было разделено железными турникетами. Ликующая толпа медленно продвигалась вдоль заграждений, и целью каждого человека было достичь алтаря, находившегося в центре храма. Там священники принимали и освящали ритуальные наборы.

Ощущение легкой паники, охватившее меня на входе (а вдруг и в самом деле затопчут, раздавят эти фанатики с горящими глазами?!), постепенно прошло. Прихожане в унисон со служителями храма распевали гимны во славу Кришны, и под рев тысяч голосов я впал в некий транс. На несколько минут я словно выскользнул из реальности: мне почудилось, что я стал участником съемок какого-нибудь исторического фильма. Точнее, его персонажем – до того трудно было поверить, что действие происходит на самом деле.

Когда мы наконец выбрались из храма наружу, нас вдруг оглушила непривычная тишина. Вова поинтересовался у Любы, по какому поводу были сегодня торжества – может, многотысячная толпа верующих собралась отметить великий религиозный праздник, какую-нибудь индийскую Пасху?

Люба удивленно на него взглянула, пожала плечами и сказала, что такие службы проводятся ежедневно, потому что Кришну нужно восхвалять днем и ночью, и завтра люди в том же составе явятся сюда, чтобы с радостью в сердце выразить свою огромную любовь к богу.

Вообще-то, добавила Люба как нечто само собой разумеющееся, служение Кришне и есть основной смысл жизни индийцев, особенно тех, кто родился во Вриндаване. Считается, что коренные жители этого города отбывают последнее воплощение на Земле и после смерти отправятся в духовный мир. Рожденные здесь отрабатывают *мелкие прегрешения* в своей карме, перед тем как стать полностью освобождёнными душами. Поэтому для индийского народа ничего важнее совершения религиозных обрядов нет и быть не может. Аминь.

А мы-то, глупые, еще удивлялись, что индийцы за несколько часов до начала службы собираются у ворот храма – дескать, заняться им больше нечем, как только протирать штаны, сидя на земле. А в этом, оказывается, смысл жизни целого народа, ну надо же как удивительно получается...

После Вриндавана мы вновь отправились к нашему храму «безе». Уже смеркалось, и он был освещен разноцветными огнями, теперь, скорее, напоминая праздничный слоеный торт. Как и следовало ожидать, нам пришлось разуться – вдали от храма, на краю мощеной площади уже стояли сотни сланцев. Миновав поющие фонтаны, которые явно походили на подвижные широкобедрые фигуры индианок, мы приблизились к храму.

Внутри все дышало радостью и весельем. Богатый интерьер с мраморными колоннами и балконами, огромными напольными коврами и исполинской многоярусной люстрой не подавлял своей роскошью – напротив, наполнял сердце легкостью. Объемные изображения танцующих и поющих божеств были особым образом подсвечены и оттого казались живыми – они создавали в храме бесконечно

праздничную атмосферу. Люди, с ликованием в голосе повторявшие слова «Харе Кришна, Харе Рама», не изображали радость – они купались в радости, они растворялись в радости, они пребывали в состоянии неподдельного блаженства.

Что и говорить, пастушок Кришна был светлым и веселым божеством. Наверное, единственным заветом, который он оставил воспевающим его людям, был завет неустанно радоваться жизни, петь и танцевать, прославляя бога. Причем делать это нужно не время от времени, порой отрываясь от тягостного труда, а каждый день, каждую минуту, ибо в радости состоит истинный смысл жизни. Одним словом, дэнс-дэнс-дэнс.

3. Варанаси: персонажи священного города

Путь из Агры с ее знаменитой царской усыпальницей – беломраморным Тадж-Махалом – оказался долгим: до древнего города Варанаси мы добирались более двенадцати часов. Впрочем, дорога не показалась такой уж утомительной, всегда находилось какое-нибудь развлечение. Сначала все сочувствовали Инне: на лужайке перед дворцом шейха Акбара ее укусил за мизинец бурундучок. Она наклонилась, чтобы погладить это прехорошенькое создание, бурундук же, сволочь, тяпнул ее так, что палец потом ныл несколько дней.

– А что если у него бешенство? – с тревогой вопрошала Инна, рассматривая обработанное зеленкой место. – Он ведь и меня мог

заразить?

– Мог, – с серьезным видом соглашалась Ира. – Если это так, тогда ты скоро умрешь, сестра, и мы в Варанаси сожжем тебя на погребальном костре.

– А прах на рассвете развеем по Гангу, – подхватила Алевтина.

– Спасибо вам, друзья, за добрые слова, – с чувством сказала Инна. – Я знала, что вы умеете хорошо утешать.

Исчерпав запас издевательств по поводу укушенной руки Инны, мы немного послушали Любу. Она кое-что рассказала о Варанаси и предупредила, что в священном городе сурово осуждаются человеческие пороки. Например, там запрещается употреблять алкоголь. Мало того, на улицах даже нельзя вслух упоминать о нем, потому что индуисты могут расценить это как оскорбление.

О том, что нужно заранее созваниваться с хозяином гостиницы в Варанаси, вспомнили лишь поздно вечером. Люба деловито набрала его номер и услышала очаровательный ответ: дескать, вы бы еще позже позвонили – в отеле осталась только одна свободная комната, и, если хотите, ночуйте там всемером.

Уже подступала полночь, искать другую ночлежку в незнакомом городе было неразумно, поэтому мы решили, что, под стать нашему автомобилю, это будет «специально модифицированная комната» – что более подойдет группе безумных русских туристов?

Около часа ночи мы въехали в совершенно неосвещенный квартал. Только свет фар выхватывал из темноты узенькую дорожку, по обе стороны которой возвышались громады мрачных, неприветливых зданий. От одного из них отделился человек, и Маниш поспешил вылезти из машины, чтобы спросить, не здесь ли находится *Ishan Guest House*. Человек посмотрел на него невидящим взглядом и, попытавшись сделать шаг, рухнул наземь – вот вам и город трезвенников. Наш водитель плюнул, выругался по-индийски и забрался обратно в машину. Снова набрали номер хозяина отеля и с его помощью добрались-таки до искомого места – оно оказалось совсем рядом.

У ворот дома, возле которого мы затормозили, стоял благородный старец в свободном белом одеянии – тусклый свет фонарика в руках старика делал его похожим на привидение. Это и был Мишра – он лично вышел нас встретить. Хозяин сообщил, что обычно здесь в

полдень отключают свет, а дают его в час ночи, поэтому скоро в гостинице станет светло – ну а заселиться мы можем и с фонариками.

Еще Мишра поспешил обрадовать меня с Вовой, сказав, что нашлась и другая комната с парой свободных коек, поэтому нам не придется ночевать вместе с дамами, смущая их своим присутствием. Оставив девочек в номере с большой кроватью и обширным матрасом на полу, мы с Владимиром в потемках совершили сложный переход по лестницам и лабиринтообразным коридорам и вошли в комнату, на которую нам указал Мишра.

К нашему изумлению, луч света выхватил из темноты нары, на которых лежала женщина, отделенная от мира прозрачной москитной сеткой. В другом углу на таком же ложе дрых посапывающий во сне мужчина. Судя по всему, два пустующих места предназначались для нас.

– Пошли-ка, на фиг, отсюда, – эмоционально сказал Вова, озвучив мою внутреннюю речь, – уж как-нибудь всемером уместимся на полу.

Едва мы с матрасами и подушками вернулись к своим, Аля вручила нам походный стакан и произнесла заговорщицким шепотом:

– Значит, так: Люба сейчас принимает душ, а мы, пропащие души, быстро пьем виски – в конце концов, мы заслужили маленький праздник души...

Утром меня разбудил бьющий в глаза луч солнца. Первое, что я увидел, была висевшая на стене странная картина с надписью “Sweet Home” («Милый дом»). Трудно было придумать более нелепое название для этого места – уж так оно напоминало приют для бездомных, вповалку спавших на полу.

Из соседнего здания доносился противный звук какого-то национального инструмента: прилежный ученик без усталости играл экзотическую гамму, спотыкаясь в одном и том же месте перед верхней нотой. В сотый раз прослушав безнадежные попытки музыканта довести до совершенства кульминацию «произведения», я вышел из комнаты.

Две молодые индианки мыли коридор, причем удивительно практичным способом: они просто выливали ведра воды на бетонный пол, вода стекала по лестницам вниз, а оставшиеся лужицы девушки лишь смахивали тряпкой. Я тут же стал жертвой их уборки,

поскользнувшись на мокром бетоне и грохнувшись на пол – правда, довольно удачно, без ушибов и сотрясения мозга.

Перед выходом в город мы наслаждались божественным чаем в отелем дворике, окруженном каменной стеной. При свете дня все здесь выглядело совершенно иначе, по-домашнему уютно. Мишра больше не походил на привидение – скорее напоминал заботливого дедушку в большом семействе. Угощая нас собственноручно изготовленным фруктовым сахаром, он приветливо желал доброго утра своим интернациональным постояльцам, неспешно выползавшим из номеров и одетым кто во что горазд.

Мимо нас продефилировал лысый англичанин в развевающейся белой юбке кришнаита; шмыгнул небритый турок с махровым полотенцем вокруг бедер; проплыла заспанная испанка с растрепанными волосами, но почему-то в вечернем платье, – чувствовалось, что всем здесь исключительно хорошо.

Покидая гостиницу, на воротах которой красовались ярко-желтые знаки свастики, мы уже понимали, что готовы всем сердцем полюбить это чудесное место с его радушным хозяином.

Наш отель располагался в самом центре Варанаси, в древнейших кварталах, выстроенных вдоль Ганга, поэтому уже через десять минут

мы стояли на берегу великой реки. Зачарованные открывшимся перед нами видом города, история которого насчитывает пять тысяч лет, мы начали наше неторопливое шествие вдоль берега.

Береговая линия была застроена *гхатами* — живописными ступенчатыми сооружениями из камня: они с древних времен служили местом ритуальных омовений индийцев. Вот и сейчас в мутных водах Ганга весело резвились взрослые и дети. Было не похоже, что они боятся подхватить страшную инфекцию, наглотавшись всякой гадости, и в расцвете лет отойти в мир иной.

Словно насмехаясь над смертельной опасностью, в реке стоял чернокожий муж с ярко-рыжими от хны волосами и чистил зубы, тщательно прополаскивая рот водой из Ганга. Парня не смущало даже

то, что в двух метрах от него купалось целое стадо буйволов с устрашающе закрученными рогами.

Помимо места для омовений, гхаты веками использовались в качестве площадки для кремации покойников. Варанаси известен как единственный из семи священных городов Индии, где производится наибольшее число ритуальных сожжений. Погребальные костры здесь не гаснут днем и ночью: сюда везут усопших со всей страны, доставляют их на телегах и автомобилях, в поездах и самолетах.

Мы неторопливо шли вдоль берега и любовались старинными зданиями с замшелыми стенами, как вдруг почувствовали, что *запахло жареным*. Сомнений не было – неподалеку находилось место, где сжигали трупы.

И правда, вскоре мы увидели несколько исполинских костров, пылавших близ реки. Мужчины в одних набедренных повязках буграми поправляли дрова и сгребали к центру раскаленные угли. В глаза мне бросилась торчавшая из костра ступня: она ритмично подергивалась кверху, будто человек напоследок разминал ноги. Костровый работник прервал гимнастические упражнения покойного, бугром упиав его непослушную пятку под дрова.

Мы присели на лавку, чтобы издали понаблюдать за процессом кремации. К нам подошел пожилой индеец и на хорошем английском сказал, что много лет занимается похоронным бизнесом, унаследовав дело от своего отца. Он рассказал, что, согласно верованиям индийцев, душа человека, сожженного на берегу Ганга, освобождается от цикла реинкарнаций, поэтому люди порой затрачивают огромные суммы, лишь бы провести погребальные церемонии в Варанаси.

Увидев наш неприкрытый интерес, гид по царству мертвых продолжил свой рассказ. Как оказалось, трупы животных не сжигают (у них нет души), а бросают в реку: там живые организмы помогают плоти разложиться, высвобождая таким образом оставшиеся природные элементы. Наряду с животными, но уже по другой причине, без сожжения сбрасывают в Ганг трупы нищих и беременных женщин: считается, что они своими страданиями еще при жизни заслужили освобождение души. Не кремируют также тела детей и незамужних девушек: они не успели загрязнить карму грехами и поэтому не нуждаются в очищении души на костре.

Пока индеец говорил, на верху лестницы, ведущей к месту сожжения, показалась группа людей – они выполняли какие-то любопытные действия: с громкими ритмичными песнопениями сбегали по ступеням вниз, неся на шестах тело человека – оно было полностью накрыто золотым покрывалом. Подбежав к Гангу, люди положили тело так, чтобы покойник оказался наполовину в реке, открыли ему лицо, стали зачерпывать ладонями воду и лить в рот усопшему. На мой вопрос, зачем они это делают, похоронных дел мастер ответил, что родственники умершего только что завершили семичасовой ритуал прощания с ним и принесли сюда, чтобы покойный в последний раз перед сожжением мог совершить омовение и напиться.

Рассказав все это, славный малый получил от нас честно заработанные сто рупий и ушел восвояси, а мы побрели дальше,

находясь под сильнейшим впечатлением от увиденного.

Мы пришли к гхату, где вскоре должна была начаться *Ганга-Пуджа* – ежевечерняя церемония поклонения великой реке. Там уже бойко шла торговля предметами для предстоящего действия: продавали наборы из цветов и свечей, жестяные талисманы в виде солнца и прочую мелочь.

Здесь стали попадаться персоналии, выглядевшие экзотично даже на фоне ярко разодетых индийцев. Навстречу нам шел бородатый человек в длинном черном одеянии с золотой перевязью, лицо его было густо выбелено и представляло собой ритуальную маску. Возле воды на подстилке сидел абсолютно голый темнокожий толстяк со смешным узелком на макушке – я его исподтишка заснял, когда он принялся наносить на лицо белила. Один седобородый дед в оранжевой чалме и с тремя красными полосами на лбу сам настоял, чтобы я его сфотографировал, а потом, прохиндей, потребовал за свои модельные услуги десять рупий. Тоже мне бизнесмен нашелся.

Люба позвонила лодочнику, с которым мы должны были встречать на реке следующий восхода солнца. Через десять минут появился незатейливо одетый парень с внешностью скорее малазийца, нежели индийца. За его неулыбчивой серьезностью угадывалась внутренняя утонченность, не слишком характерная для представителей рабочих профессий.

Люба тут же оседлала свой излюбленный деловой тон: так она общалась с местным населением, чтобы аборигены понимали, кто тут высшая раса. Она холодно поинтересовалась у лодочника, сколько стоят его услуги. Сону (так звали парня) спокойно ответил, что обычно люди платят столько, сколько им подсказывает сердце, так что пусть клиент сам определяет «цену вопроса», а для него, мол, деньги не представляют большой ценности. Любаша разнервничалась и заявила, что если он намерен влиять и избегать открытости в переговорах, то пусть катится ко всем чертям, а мы найдем другого владельца лодки —

благо их тут сотни, желающих заработать на туристах. Насилу ее уговорили не обижать такого приятного и обходительного человека, тем более что Амит заранее предупредил, что максимальная цена за прогулку по реке – двести рупий, поэтому незачем устраивать битву из-за нескольких грошей...

После церемонии с завораживающими песнями и танцами на берегу реки мы попросили Сону проводить нас до знаменитого кафе “Blue Lassi Shop”. По рассказам нашей знакомой, там продавали традиционный молочный напиток *ласси*, начиненный марихуаной. Назывался нелегальный коктейль «бангласси». Пока мы пробирались сквозь лабиринт узеньких улочек, доступных лишь для двухколесного транспорта и тук-туков, я поинтересовался у лодочника насчет этого таинственного напитка. Сону испуганно зашикал и вполголоса

произнес, что на улице слово «бангласси» лучше не произносить, особенно если поблизости бродят вооруженные полицейские – а их тут было пруд пруди.

Кафе оказалось крошечным. Это было узкое прямоугольное помещение с ярко-синими стенами, больше напоминавшее просторный шкаф: в нем умещался всего один длинный стол с двумя лавками по сторонам. Еще две короткие скамьи стояли в дальнем углу – словом, одновременно здесь могло уместиться лишь человек десять. Однако, судя по надписям на стенах, тут побывали тысячи людей со всего мира – местечко явно пользовалось популярностью. Двери в кафе не запирались, отчего ситуация казалась комичной: посетители распивали запрещенный напиток на глазах сотен прохожих, которые сновали туда-сюда буквально в метре от «преступного» стола.

Распрощавшись с Сону до утра, мы заказали один *бангласси* на всех, упрятав его среди обычных фруктовых коктейлей. На правах организатора путешествия половину «зелья» прикончила Инна, ну а остальным досталось буквально по глоточку. Было вкусно – это все, что я могу сказать по поводу дегустации веселящего напитка.

Пока мы предавались запретным утехам, снаружи слышались звуки уже знакомых песнопений, а в следующую секунду мимо нас промчалась группа людей с носилками – на них лежал человек, накрытый золотым покрывалом. Ого, сказали мы, одно дело – наблюдать за похоронной процессией издалека, и совсем другое – быть чуть ли не ее участником. Не прошло и десяти минут, как сцена в точности повторилась. Когда же в пределах следующего получаса перед нами пронесли еще четырех покойников, мы просто перестали обращать на них внимание. В конце концов, здесь никого не удивишь постоянным присутствием смерти, ведь Варанаси не зря называют *городом мертвых*.

На следующее утро, когда еще стояла кромешная тьма, мы покинули отель, чтобы встретить восход солнца в лодке молчаливого Сону. Мы отплыли на середину реки, и перед нами открылась великолепная панорама целого города – он раскинулся на берегу Ганга огромным амфитеатром.

Загадав желание, мы опустили в воду венки из маленьких белых бутонов и зажженные свечи, стоявшие на жестяных блюдах среди красных цветков. Неспешное течение подхватило их. Они начали медленно удаляться от нас, но еще долго были заметны отражавшиеся в реке крошечные огоньки, плывущие в никуда, в объятия Вечности.

Солнце поднималось над великим Гангом, мы медленно скользили вдоль берега. Несмотря на ранний час, жители Варанаси выходили к реке, чтобы совершить первое ритуальное омовение. Мальчики и мужчины раздевались до трусов, а женщины входили в воду прямо в своих роскошных сари. Культура страны по сей день не позволяет им носить купальники, поэтому индианок в бикини можно увидеть разве что в фильмах Болливуда.

Когда совсем рассвело, мы причалили к берегу, и Сону повел нас на прогулку в свой родной квартал. По пути парень немного разговорился и рассказал о себе. Работать он начал с четырнадцати лет, когда семья стала испытывать серьезные финансовые трудности и больше не могла платить за его учебу в школе. С тех пор, подобно своему отцу, Сону работает лодочником, оказывает платные услуги иностранным туристам. Нет, он несколько не влюблен в свою профессию, но чем еще он может зарабатывать, не имея в свои двадцать девять лет даже полного среднего образования? Ну разве что мелким бизнесом заниматься, особенно в пору летних наводнений, когда Ганг разливается так, что жители прибрежных районов вынуждены жить на крышах пятиэтажных домов – понятно, что в такое время ни о каком туризме не может быть и речи.

Сону сказал, что хочет познакомить нас со своим другом, удивительным человеком по имени Ашвини, который жил неподалеку. Он привел нас к дому в тупике улицы, но чтобы попасть в него, нам пришлось переступить через тушу бездомной умирающей коровы – она лежала в куче отходов. В Индии никому в голову не придет прервать жизнь священного животного, даже если всем ясно, что оно обречено, поэтому истощенная корова может целую неделю проваляться на тротуаре, до того как испустит дух.

Дверь открыл высокий человек грязноватой наружности, одетый в рабочие джинсы и неказистую рубашку – это и был друг лодочника. Мы вошли в каменное помещение, где пахло навозом и вокруг колонн бродили три холеные коровы на цепях. «Как это мило – держать дома животных!», воскликнула Ирина. На что Ашвини возразил: мол, это не животные, а члены семьи.

Он сказал, что сейчас приготовит для нас чай, и открыл дверь в комнату – оттуда как раз выходил пожилой мужчина, одетый лишь в кусок белой ткани, обернутой вокруг бедер. Хозяин указал на него рукой и гордо сказал, что этот человек – его дядя и учитель в одном лице. На мой вопрос, чему же обучил его дядя, Ашвини сказал, что их семья вот уже четыреста лет занимается созданием природных лекарств и благовоний для ароматерапии.

Для того чтобы войти в комнату, нужно было сильно наклониться: дверной проем был чересчур низкий. Ашвини объяснил, что по традиции в индийский дом входят именно так, поклонившись земле: этим человек показывает, что оставляет у порога всю гордыню и проявляет уважение к членам семейства.

В комнате все стены от пола до потолка были покрыты стеллажами. Там стояли тысячи флаконов с порошками, мазями и ароматическими маслами. Здесь был настоящий парфюмерный рай.

Дождавшись, когда принесут чай и все рассядутся по лавкам, Ашвини принялся рассказывать о своей продукции. Едва он заговорил об ароматах, с ним произошли поистине волшебные метаморфозы: этот «коровий мальчик» на наших глазах превратился в мага и одновременно непревзойденного шоумена.

Надо было видеть, с какой грацией он погружал в кипарисовое масло стеклянную палочку, а потом наносил ею благоухающую точку на запястье или лоб одного из нас. Надо было слышать, с какими изысканными интонациями он выговаривал фразу, будто пропевая мелодию из арии: “And this oil is used for beau-u-u-ty” («А это масло используется для красоты»). Надо было ощущать то коварное гипнотическое мерцание, что излучал Ашвини, неспешно вращая у нас под носом серебряную курильницу и одурманивая наше сознание дымящимся порошком сандалового дерева.

Потом он называл цены на товары, и цифры у нас в ушах звучали сладчайшей музыкой: «Пачули – тысяча рупий... сандал – две тысячи рупий... розовое масло – три тысячи...».

– Отчего же так дорого розовое масло? – глядя на парфюмера влюбленными глазами, спрашивала Ирина.

– Так ведь оно создано для красоты, – мягко отвечал Ашвини, пожимая плечами – не раздраженно, а как мудрец, знающий истинную ценность всякой вещи. И вопросы сразу отпадали, и становилась понятной эта простая истина, и руки сами собой извлекали деньги из кошельков.

Видит бог, я не собирался ничего покупать, но, увлекаемый всеобщим безумием, метнулся в соседнюю комнату, где лежала моя сумка с бумажником, и поспешил обратно. Пребывая в состоянии эйфории, я забыл о высоте здешних дверных проемов и со всей дури вмазался лбом о притолоку.

Удар был таким сильным, что на несколько мгновений я даже потерял ощущение того, где нахожусь, а когда пришел в себя, увидел, что вокруг меня испуганно носятся девочки и мальчики. Обнаружив, что со лба у меня стекает кровь, я почувствовал дурноту и позволил уложить себя на лавку. Прервав сеанс обработки клиентов, Ашвини куда-то выбежал и вернулся с чашкой горячего молока и горсткой лекарственного порошка – он велел мне все это проглотить и заесть кусочком фруктового сахара.

Надо мной озабоченно склонилась Наташа. Осмотрев ссадину на голове, сказала, что лучше всего ее было бы зашить, как она это делает

своим детям в случае необходимости. Однако, увидев, что при этих словах я зеленею и покрываюсь холодным потом, готовясь рухнуть в обморок, смиростивилась и просто заклеила рану медицинским клеем – понятно, что вместе с чубчиком.

Ашвини снова принялся обрабатывать посетительниц, я же вышел в помещение с коровами – проветрить мозг от дурмана благовоний. Сев в кресло, закрыл глаза, а когда вновь открыл их, увидел молоденького индийца – тот стоял рядом и сочувственно глядел на мою мученическую физиономию.

– Меня зовут Лалит, и я сейчас исполню для тебя очень красивый танец, – пообещал парень. – От него люди быстро выздоравливают.

Он отошел к столбам с коровами и стал изображать забавные танцевальные движения. Это было так смешно, что я и в самом деле почувствовал себя лучше. Потом Лалит рассказал, что его мечта – уехать после школы и стать знаменитым болливудским актером. А пока, дескать, он занимается дизайном современной одежды, и если не станет звездой экрана, обязательно прославится как модельер.

– Кстати, сейчас мы пойдем на шелковый рынок, – сообщил Лалит, – я сюда специально за вами пришел.

Вскоре из волшебной парфюмерной комнаты выпорхнули сияющие дамы. Ашвини вышел вслед за ними – он выглядел отстраненным и равнодушным. Вероятно, сорвал свой немалый куш с иностранок и больше не хотел утруждать себя, изображая чаровника и дамского угодника. А может, просто устал играть спектакль: влюбить в себя за десять минут целую армию женщин – задача, знаете ли, не из легких.

Вова открыл входную дверь, собираясь покинуть дом, как вдруг внутрь заглянула уличная корова и трубным голосом издала то ли приветственное, то ли прощальное мычание. Трудно было бы найти более впечатляющую финальную точку для нашего визита к потомственному творцу ароматов, но, тем не менее, она нашлась: едва мы вышли за порог, мне на голову с крыши упал кусок некой твердой субстанции. К счастью, не очень тяжелой, а то, боюсь, этот день навсегда потерял бы для меня свое очарование...

Люди в магазине шелка, куда нас привел Лалит, устроили перед нами очередное представление: они начали раскладывать на прилавке тончайшие шарфы и платки, разворачивали великолепные отрезы тканей, раскидывали исключительные по красоте накидки и огромные покрывала ручной работы. Разумеется, девочки бросились скупать все, что попадало им в руки – в этом царстве струящегося, переливчатого шелка трудно было не сойти с ума, поэтому шопинг в самом деле получился безумным.

Люба держалась в стороне от торгового буйства: она выглядела бледной и прилегла на лавку. Я подошел, чтобы показать чудный мужской шарф, который собирался купить, но Люба с удивлением сказала:

– Я-то думала, вы будете с утра до ночи ходить по храмам, в день по три-четыре службы посещать, а вы устроили какое-то сумасшествие,

скупаете всю эту дребедень – что у аптекаря вашего, что здесь. Не понимаю, зачем вам вообще нужно было ехать в Индию...

Бедная Люба вообще много чего не понимала по поводу нашей группы, но главный удар ее ждал впереди. Расплачиваясь с Сону за работу, мы отдали ему не традиционные двести рупий, а целую тысячу, и вот тут-то Любаша испытала настоящее потрясение. Она не видела изумленных глаз молодого лодочника, не замечала, что он весь просиял от неслыханной щедрости и его благодарность не знает границ – кто знает, может, эта сумма равнялась его месячному заработку. Люба только знала, что мы ужасно неразумно превысили бюджет и в очередной раз поспособствовали развращению здешних работяг, а ведь их нужно держать в ежовых рукавицах и постоянно указывать, где их место!

Наверное, в этот момент Люба и начала заболевать: когда мы ехали на тук-туке в гостиницу, она чувствовала сильное головокружение и тошноту, хотя изо всех сил пыталась держаться бодрячком. Однако в конце концов сдалась и признала, что ей нездоровится.

– Надеюсь, это не смертельно, – выдавливая из себя улыбку, пошутила она.

– Не переживай, Любаня, – мягко сказала сидевшая рядом с ней Аля, – если ты умрешь, мы сожжем тебя на погребальном костре, а прах развеем по Гангу...

– И напишем книгу о том, как ты любила путешествовать в дальние страны, – пообещала Ирина, со здоровым аппетитом уминая виноград.

4. Как на именины Инны мы примчались в Ришикеш

Сейчас самое время открыть карты и наконец-то сообщить читателю о цели нашей поездки в Индию: мы приехали сюда, чтобы веселой гоп-компанией отпраздновать юбилей Инны – такая вот серьезная причина. Идея отметить свой день рождения с друзьями именно на индийской земле (причем непременно в сари) зародилась у нее года за два до путешествия и долгое время оставалась эфемерной мечтой, которая, однако, вдруг начала уплотняться и в один день превратилась в реальную возможность. «А почему бы и нет, – твердо сказала Инна, – в конце концов, в жизни раз бывает... тридцать с чем-то лет».

Сари она купила в Варанаси: мы всей группой смотрели, как продавец обматывает вокруг Инны семь метров зеленой ткани, где зашпицовывает и *в каком месте* перекидывает через плечо – чтобы в случае чего помочь ей правильно одеться. А юбилейные торжества с остатками российского коньяка и индийскими фруктами предполагалось провести в другом священном городе – Ришикеше. Он был последним пунктом нашего путешествия и находился в штате Уттаркханд.

Накануне отъезда Любаша проявляла классические признаки недомогания, и мы решили оставить девочку в гостинице Мишры для лечения. Но перед самой дорогой она наглоталась таблеток и заявила, что совершенно здорова, поэтому готова и дальше нести свой крест... в смысле, продолжать с нами путешествие. Делать нечего, пришлось брать Любу с собой.

Первая часть пути ничем особенным не отличалась, правда, водитель через каждые двадцать минут выбегал из машины, что-то с интересом разглядывал в задней части, а потом невозмутимо продолжал рулить.

Часа через два решили, что пора слегка перекусить, и попросили Маниша «выследить» какую-нибудь придорожную харчевню. К тому моменту мы хорошо усвоили одну вещь: чем грязней и отвратительней по виду было едальное заведение, тем вкусней и разнообразней там

готовили. Поэтому когда Манишка указал на стоявший у дороги закопченный сарай с отверстиями вместо окон и дверей, девушки радостно захлопали в ладоши и велели останавливаться.

Белозубый работник усадил иностранных гостей за стол с облупленной голубой краской и небрежно смахнул с него толстый слой пыли. Затем бухнул на стол ведро с водой (не исключено, что питьевой) и поставил перед каждым по стакану. Заметив, что посетители не пьют из ведра и вообще отодвинули его к самому краю, официант забрал посудину и взамен принес воду в бутылках, тоже густо покрытых пылью.

Наташа улыбнулась ему и жестами попросила отогнать стаю жирных мух: те назойливо вились прямо над столом в предвкушении обеда. С выражением “no problem” на лице парень включил висевший напротив вентилятор, и гадкие насекомые тут же исчезли из поля

зрения. В Индии повсеместно используют этот простой, но эффективный способ борьбы с летающей нечистью. В городских ресторанах вентиляторы висят над каждым столом, да и в деревенской столовой всегда найдется парочка спасительных «ветродуев».

Люба и Маниш помогли сделать заказ: шпинат с сыром, лепешки *чапати* и *роти*, цветная капуста со специями, соус карри, рис с овощами и черный чай – его в Индии варят до густоты и пьют с огромным количеством сахара.

Протягивая официанту бумажку со списком блюд, Ира поинтересовалась, где тут у них находится уборная. Парень озадаченно на нее посмотрел, повертел головой по сторонам и сделал неопределенный жест, показывая куда-то за угол сарая. «Понятно», сказала Ира (хотя, конечно же, ей ничего не было понятно), и женская часть группы отправилась на поиски туалетов, с которыми, как утверждают все путеводители по Индии, здесь царит полная неразбериха.

Первой с поисков вернулась Наталья. Хохоча, она поведала, что никаких уборных здесь и в помине нет, но в твоём распоряжении имеется все чисто поле.

Потом вернулась Алевтина с видеокамерой – она никогда с ней не расставалась, снимая все без разбору. С круглыми от изумления глазами Аля вынырнула из кухонного отсека и воскликнула:

– Вы знаете, как для нас готовят чапати? Прямо на полу расстелили какую-то газетенку и раскатывают лепешки – не слишком же они утруждаются соблюдением санитарных норм! Правда, все кастрюли и сковородки у них просто сияют, так что расслабьтесь, травить нас здесь никто не будет.

Успокоенные Алиным культурологическим открытием, мы, тем не менее, перед обедом привычно продезинфицировали руки, стол и посуду: обработали спиртовым раствором и тщательно протерли антисептическими влажными салфетками – их мы в огромном количестве привезли из дома. Особенно потрудились над чайными ложками, увидев, что официант вытер их прямо о свои штаны неопределенной свежести...

После обеда мы еще какое-то время ехали. Маниш так же регулярно выскакивал из машины и задумчиво чесал в голове, а при въезде в следующий городок он остановился, велел всем выбираться наружу и объяснил, что авто требует небольшого ремонта, минут на десять. Когда Наташа из любопытства взглянула на неполадку, она побледнела и воскликнула:

– Вы в курсе, что заднее колесо держится на одном болте?! Все остальные по дороге вылетели! Если бы оно соскочило в пути – да хоть и при двадцати км/ч, – нам бы всем головы поотрывало! Я знаю, о чем говорю – на всякое за рулем насмотрелась и сама с детьми побывала в кювете в перевернутом автомобиле.

Пока Маниш бегал в мастерскую за механиками, мы сидели на большом столе перед открытыми торговыми лавками. Работавшие в них люди бросали заинтересованные взгляды на компанию белокожих иностранок, одетых в индийские *пенджабы*. По пыльной дороге

проходили местные жительницы в черных платьях до пят и в парандже – открытыми оставались лишь огромные черные глаза. Они окидывали нас быстрым, цепким взглядом исподлобья и невозмутимо шли дальше. Мы поняли, что попали в одно из мусульманских поселений. И невольно вспомнили о яркой роли исламистов в новейшей мировой истории. И почему-то захотели побыстрее отсюда свалить.

Приведенные Манишем рабочие полчаса колдовали с колесом, а потом сказали, что здесь, на улице, ничего починить нельзя и необходимо доставить машину в автомастерскую. К счастью, она находилась в двухстах метрах отсюда, и наш водитель на черепашьей скорости повел авто вслед за мастеровыми.

Мы принялись изучать карту Индии, чтобы определить, где вообще находимся и сколько добираться до ближайшего большого города. Задачу мы провалили, потому что даже не ведали, как называется местность, и делегировали Ирину узнать название у работников аптеки, возле которой сидели.

Оглянувшись минут через десять, увидели очаровательную картину: Ира, ни дать ни взять заморская королева, восседала в окружении дюжины чернявых парняг – те зачарованно на нее смотрели, не отрывая глаз и разве что не раскрыв рот. А наша «звезда» международной дипломатии что-то им втирала, закинув ногу на ногу и небрежно жестикулируя.

Парни все как один снимали Ирину на камеры сотовых телефонов: видимо, их захолюстье не так уж часто навещали красивые белые леди – такое событие необходимо было увековечить. Наверняка они потом взахлеб рассказывали об этом друзьям, демонстрируя видеозапись.

Ира произвела на жителей Джагдиспура (так назывался этот населенный пункт) столь неизгладимое впечатление, что хозяин аптеки сбегал в лавку на другой стороне улицы и принес для всей группы чай *масала* – его пьют из одноразовых глиняных пиал, а сами пиалы потом тут же разбивают об асфальт.

Между тем прошло больше часа, а автомобиль все не был готов. Мы пошли к Манишу, чтобы оценить серьезность ситуации, и увидели сногшибательную картину. Два каких-то подростка валялись в дорожной пыли, киркой и молотом выковыривая колесо из нашей машины. У покосившейся сараюшки без окон и дверей (это и была автомастерская) стоял третий тинэйджер, готовый в случае чего подать

необходимый инструмент – стамеску там или рубанок, мало ли что могло потребоваться.

Наташа едва не упала в обморок при виде такого ремонта. Она заявила, что в *этой* машине никуда больше не поедет, потому что жизнь ей дороже. Напрасно Манишка говорил, что здешние мастера знают свое дело и через двадцать минут автомобиль будет как новенький. Наташа ничего не хотела слышать и попросила Иру позвонить Амитке с просьбой выслать сюда другую машину.

Переговоры оказались более чем эмоциональными. Наверное, весь город слышал, как Ирина по телефону упрекала Амита в хреновой организации нашего путешествия и требовала незамедлительно доставить сюда комфортабельное такси вместо этой развалюхи: дескать, за машину заплатили немыслимые деньги, а в ней даже ноги вытянуть нельзя.

Наша больная (в хорошем смысле слова) Люба вконец расстроилась. Она расплакалась, сказала, что доверяет Манишу и когда колесо поставят на место, поедет вместе с ним. Добавила, что с нашей группой только портит себе карму.

Прошло еще часа два. Начинало смеркаться, и надо было все же что-то делать с транспортом. Никому не хотелось ночевать в мусульманской деревне и даже просто шарахаться в темноте по улицам: никто ведь не знает, что у здешних жителей на уме. Сейчас они улыбаются, а потом, тьфу-тьфу-тьфу, порежут где-нибудь за углом. Примерно в такие тона окрасились мысли и разговоры русских путешественниц под воздействием жары, газетных «ужастиков» и неопределенности настоящего момента.

Чтобы сделать хоть что-то полезное, мы с Ириной вернулись к аптекарям и попросили вызвать большое такси до ближайшего города. Через сорок минут (вместо обещанных десяти) приехал старенький грузовичок, готовый вместить шесть пассажиров. Почти в тот же момент подоспело известие о том, что наш автомобиль отремонтирован, поэтому Люба могла спокойно ехать с Манишем.

Все с облегчением вздохнули и сердечно распрощались с местными – те напоследок бесшумно обступили заезжих гостей плотным кольцом. «Вот так и рвут заживо на мелкие кусочки!», – поделилась потом Аля своими ощущениями от прощальной сцены с этими знойными мужчинами.

Впервые за все путешествие мы наконец-то поехали, что называется, с ветерком, с нормальной скоростью, как и положено на хайвэе. Амитка уверял, что если человек научится управляться с авто в Индии, то он сможет водить где угодно. Мы тогда вежливо улыбнулись и промолчали, потому что, казалось, только дурак не сумеет проехать по индийскому городу с его неторопливым движением и рассудительными водителями. А оказалось, Гоэль был прав и мы просто не знали особенностей национального вождения.

Наш новый водила (хромой, беззубый, весь какой-то контуженный и тяжело дышащий) помчался как ненормальный. Мы сразу перестали понимать, по какой линии едем – справа или слева: он сновал, как челнок, туда-сюда, а по большей части мчался прямо посреди дороги. Тут вдруг оказалось, что другие водители такие же безбашенные, как и

наш: все норовили обогнать, непрерывно сигналили, выныривали из самых неподобающих мест и вообще устраивали на дороге полный кавардак.

Бедная Наталья, по легкомыслию усевшаяся впереди, в десятый раз за день пережила шок, когда мы едва не столкнулись лоб в лоб с огромным грузовиком: тот мчался навстречу, и тоже по центру дороги. Она взвизгнула и закрыла глаза руками, но в этот самый момент оба водителя технично разошлись каждый по своей стороне трассы, и, к счастью, все остались целы.

Мы добирались до города Лакнау около двух часов и за это время еще не раз становились свидетелями дорожных чудес, которые, наверное, могли произойти только в Индии. Мчавшийся впереди нас грузовик внезапно ни с того ни с сего въехал на полной скорости в здоровенное раскидистое дерево – оно повалилось на проезжую часть буквально в полусотне метров от нас. Странный водитель грузовика даже не подумал затормозить и спокойно поехал дальше – наверное, поспешил скрыться, опасаясь гнева дорожной полиции.

Потом подъехали к шлагбауму у железнодорожного полотна; приближался поезд, и полосатую перекладину уже успели опустить. Наш лихач нагло поехал прямо на шлагбаум, и его снова подняли – специально для нас! (можете себе представить такое в России?) Мы невозмутимо проехали, избежав томительного простоя в пути. Наташа призналась, что за время езды с новым водителем спина у нее не успевала просыхать от холодного пота.

Однако все испытания рано или поздно заканчиваются. Спустя еще один день относительно комфортабельного путешествия – Амит заказал для нас два просторных автомобиля – мы в одиннадцать часов вечера прибыли в Ришикеш – «город ашрамов и обезьян». Амитка с несколько сконфуженным видом (это ведь по его вине мы прошли через такие опасные приключения) встретил нас у входа в гостиницу *Raj Mahal Hotel*. К нашему восторгу, здесь имелись почти все блага цивилизации, включая настоящую ванну с горячей водой!

Наскоро расселившись по номерам, мы собрались у Инны в комнате, чтобы поздравить ее с юбилеем. Несмотря на все препятствия, учиненные коварной индийской действительностью, умудрились сделать это вовремя. Буквально за несколько минут до наступления

новых суток Инна успела наскоро замотаться в сари и исполнить для нас индийский танец – движения она тут же взяла из клипа, который крутили по местному ТВ. А ровно в полночь подняли бокалы – сначала за здоровье юбилярши, а потом за то, чтобы в нашей безумной группе привилась замечательная традиция отмечать дни рождения в экзотических странах...

Накануне ночью мы и не заметили, в какой райский уголок нас привезли, а утром вышли на балкон и застыли от восторга. Гостиницу окружали сказочные горы, и здешний воздух был необыкновенно свежим и бодрящим. По крыше нашего отеля и близлежащих зданий расхаживали важные обезьяны – они всем своим видом показывали, кто тут хозяин.

С одним из таких «хозяев» мы столкнулись прямо во время утреннего чаепития у Инны в комнате. Наташа попыталась выйти на балкон, но, взвизгнув, тут же энергично захлопнула дверь. «К нам в гости, кажется, обезьянка пришла», сказала она растерянно.

Я осторожно приоткрыл дверь – в метре от меня на перилах сидел огромный волосатый орангутанг, едва ли не с меня ростом. Мы серьезно посмотрели друг на друга – тот не пошевелился. Я решил, что обмениваться с ним рукопожатием, пожалуй, не стоит: известно же, что обезьяны, особенно дикие – носители СПИДа. К тому же, если такая огреет по башке, мало не покажется.

Я закрыл дверь и предложил Алевтине заснять это чудо природы на видео. Аля сделала такую попытку, ее ведь тоже распирало любопытство. Впрочем, запись, длящаяся всего две секунды, вышла не особо содержательной: было лишь слышно, как скрипнула балконная дверь да в унисон с ней вскрикнула Аля; а видеоряд представлял собой внезапно вспыхнувший и тут же померкший лучик дневного света.

После завтрака пошли гулять по городу. Ришикеш, из-за своего расположения в горах, имеет весьма причудливый рельеф. Здесь нет ни одной ровной улицы: все они либо спиралевидно закручиваются, либо снуют вверх-вниз. Судя по всему, людям с нетренированными ногами в городе приходится несладко.

Мы миновали узенькую торговую улицу, которая вместе со всеми лавками располагалась по сторонам крутой каменной лестницы, выдолбленной прямо в горах. Конечно же, не удержались и по дороге впали в грех шопинга: я купил серебряный браслет и «поющую» чашу, а в одном магазинчике с «товарами для просветления» все члены нашей высокодуховной компании приобрели себе по колоде карт с предсказаниями на каждый день.

Потом вышли на более широкую улицу, где бродили толпы «блаженных». Ришикеш считается местом паломничества всех кришнаитов и буддистов мира – подлинных и мнимых. Некоторые приезжают сюда с искренним намерением очиститься и живут согласно всем религиозным законам – такие, как правило, обитают в ашрамах, в уединении от людей и мирской суеты.

На краю города есть местечко *Maharishi Mahesh* – заброшенный ашрам, его называют «битловским»: знаменитая ливерпульская четверка прожила там целый месяц в яйцеподобных кельях для медитации. Конечно же, мы проникли туда через «туристический» пролом в каменной стене и в позе лотоса посидели в этих удивительных двухэтажных «яйцах» с великолепной акустикой.

Некоторые приезжие – из тех, что надолго оседают в городе – не охотятся за просветлением, но их привлекает ритуальность и таинственность жизни людей, «по-настоящему» погруженных в религию. Они из любопытства облачаются в рубище отшельника и методично превращают шевелюру на голове в так называемые *дредлоки* («ужасные локоны»). Это такая «прическа», когда волосы не стригутся, не расчесываются и со временем превращаются в жесткие, практически негнувшиеся патлы, иногда в несколько метров длиной. Считается, что по ним бог вычисляет истинного праведника и помогает ему быстро попасть в рай, просто хватая за волосы и затаскивая на небо.

Есть и такие, кто приезжает в Ришикеш побалдеть в расслабленном ритме индийского существования и потусоваться среди всех этих «неформалов». Как правило, это европейская и русская молодежь, которая благодаря дешевизне местной жизни может себе позволить оставаться здесь месяцами, не задумываясь о добывании средств на хлеб насущный. Специально для такой публики здесь открыли кафе *Маленький Будда* – с превосходной атмосферой и отвратительной европейской кухней. Я оказался последним лохом, заказав там тосты и грибной суп-пюре: корм был абсолютно непригоден для еды...

На улице «блаженных» за нами увязался один харизматичный человек, увешанный национальными барабанами *дхолак* собственного производства. Он неустанно выбивал на них зажигательные танцевальные ритмы и по ходу общался с нами. Рассказывал, что каждый день приходит в город, проделывая путь в несколько километров, чтобы продать свою продукцию понимающим людям,

настоящим ценителям перкуссии. «А вы именно такие, – льстиво уверял он, – вижу по глазам».

Я понял, что мужик не отвяжется, пока не сбавит хоть один барабан, и приобрел себе небольшой, за триста рупий, ведь все равно собирался когда-то это сделать. Глядя на меня, купила барабан и Наталья. Повесив покупку на шею, мы пошли себе дальше, но почему-то назойливый торговец не желал исчезать. Он то и дело «всплывал» то с одной, то с другой стороны, коварно спрашивая, неужели такие ценители экзотической музыки ограничатся лишь одним инструментом. «Ведь потом всю жизнь жалеть будете», – говорил он, выдавая руками очередную задорную трель.

Все кончилось тем, что торговец вынудил Наташку поменять купленный дхолак, всучив ей инструмент побольше: он наглядно продемонстрировал, что у барабана за *шестьсот* рупий звук и мощнее, и глубже. Разумеется, Наталья не смогла устоять ни перед чудесным тембром нового барабана, ни перед гипнотическим обаянием самого торговца, и совершила обмен с доплатой.

Забегая вперед, добавлю, что по-настоящему оценила эту покупку только Наташкина собака: она полностью сгрызла кожаную мембрану барабана и была несказанно довольна. А из деревянных остатков Наталья-рукодельница сделала чудесную подставку для зонтиков.

Оставалось выполнить последний пункт программы нашего путешествия – окунуться в Ганг, чтобы очистить карму. В Варанаси погрузиться в священную реку ни у кого не хватило духу, и для ритуального омовения выбрали Ришикеш: здесь Ганг только начинался, его питали источники близлежащих гор, поэтому вода была чистейшая и абсолютно прозрачная.

Рано утром мы вышли из гостиницы и миновали торговую улицу – она пока была пуста и тиха, хотя несколько работяг уже начали трудовой день. На неподвижном велосипеде сидел тощий индус и затачивал лезвие ножа на колесе, закрепленном перед седлом: колесо он вращал при помощи педалей – гениальное использование предмета не по назначению! Чуть поодаль продавец свежего сока готовил к работе свой аппарат: он взял охапку огромных стеблей сахарного тростника и теперь пытался их все засунуть в отверстие на передней панели этого древнего приспособления.

В конце улицы начинался подвесной мост через реку. Днем по нему в обе стороны непрерывным потоком шагали люди; мост под сотнями ног ходил ходуном, и казалось, вот-вот рухнет. Но сейчас он был весь в нашем распоряжении, только навстречу шла одинокая белая корова с грустными глазами. Мост едва заметно покачивался, и можно было спокойно насладиться видом города, раскинувшегося среди гор.

На обрывистом, каменистом берегу стояли красивые уступчатые здания. Виднелась серпантинная дорога, ведущая далеко вверх, на вершину холма – там на головокружительной высоте стоял храм, и его купола сияли золотом в лучах восходящего солнца. А далеко под нашими ногами стремительно нес свои воды великий Ганг – здесь он был незамутненного изумрудно-зеленого окраса.

Перейдя мост, мы пошли вдоль берега по безлюдному месту с редкими деревьями и заброшенными домами. Эту территорию облюбовали обезьяны: они вели себя как настоящие хозяева, и некоторые при нашем появлении недовольно скалили зубы – мол, чего сюда приперлись ни свет ни заря? Мы им не перечили и благоразумно отходили на почтительное расстояние.

Найдя относительно пологий берег, спустились к реке. От воды сильно веяло прохладой, и у меня не было никакого желания заходить в стремительный поток даже по колено. Поэтому я просто уселся на камень – пофотографировать дам, которые твердо вознамерились смыть с себя все жизненные прегрешения.

– Ну что, девочки, нырнем? – спросила Инна и храбро двинулась к воде во всем своем прекрасном индийском облачении.

– Одну секунду, – сказала Наташа и протянула ей конец длинного шарфа. – На вот на всякий случай обмотай вокруг руки – чтобы течением не сбило с ног.

Намотав шарф на запястье, Инна осторожно вошла в Ганг и тут же во весь голос взвизгнула: вода оказалась просто ледяной. Скукожившись от холода, она постояла так несколько секунд, а потом снова издала вопль (теперь уже безрассудной отваги) и с головой окунулась в реку.

Привлеченная странными криками, на берег прискакала обезьяна – она уселась на камне в десятке метров от меня и с любопытством стала наблюдать, как девочки одна за другой в одежде заходят в реку и скрываются на несколько мгновений под водой.

Когда в Ганг с воплем сиганула Алевтина, мы с обезьяной, не сговариваясь, переглянулись. Я небрежно кивнул головой в сторону дрожащих от холода девиц и покрутил пальцем у виска – дескать, ну не сумасшедшие ли? Обезьяна оскалилась и постучала себя кулаком по голове – видать, была полностью со мной согласна. А когда Аля выбралась из реки, эта насмешница подняла вверх лапы и встретила ее продолжительными аплодисментами. После чего зевнула и ускакала прочь – шоу закончилось, больше ее здесь ничто не держало.

– Ну что, мы с вами просто молодцы! – сказала Инна, когда их пенджабы обсохли на солнце и мы пошли обратно в город. – На именины приехали вовремя, карму почистили, всю программу выполнили... к сожалению. А, нет, вспомнила: мы еще индийскую

клубнику не ели! Я вчера одного продавца видела – пойдёте у него купим. Кажется, сейчас я целое кило готова съесть... Ой, хочу, хочу!..

notes

Примечания

Тук-тук (авторикша, моторикша, мототакси) – трехколесный мотоцикл или мотороллер с тентом, предназначенный для перевозки пассажиров или груза.

«Нет рикши, нет сдачи, нет гашиша, нет лодки, нет шелка, нет ни единой рупии – нет проблем!» (*англ.*)